

Г. И. ДАНИЛИНА

«ФАУСТ» И МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Васильева Г. М. «Фауст» Гёте и семантический комплекс европейской культуры. Монография. Ч. 1. Новосибирский гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2012. — 604 с.; Васильева Г. М. Семантический комплекс культуры и «Фауст» Гёте. Идеи и образы. Ч. 2. Saarbrücken: LAP Lambert, 2016. — 346 с.

Монография Галины Михайловны Васильевой посвящена изучению русской рецепции «Фауста» в XIX—XX вв. Автор обращается главным образом к текстам, которые еще не рассматривались по существу или пока не замечались. Но нов в книге не только материал — нов подход к его осмыслению. Г. М. Васильеву в первую очередь интересуют писатели, знакомые с трагедией Гёте не столько по первоисточнику, сколько опосредованно — по «чужим» и топическим цитированиям, то есть скорее из культурного контекста, чем из личного опыта чтения.

Забегая вперед, сразу скажу, что такой подход дал очень интересные результаты. И едва ли не главный из них тот, что, оказывается, подобные произведения, отделенные от «Фауста» многослойными культурными опосредованиями, далеко отстоящие от Гёте и хронологически, и содержательно, и интонационно, инспирированы тем не менее именно гётевским текстом и раскрывают его все еще не познанные богатейшие смыслы.

Этот выразительный вывод — своего рода итог объемного, многостороннего и основательно фундированного исследования. Согласно концепции Г. М. Васильевой, сложная, «комплементарная» поэтика «Фауста» подчинена морфологическим представлениям Гёте о живом единстве человека и мира, науки и культуры. Морфологические идеи Гёте продумываются глубоко и внимательно в ряде глав и 1-й и 2-й части: «Морфология языка и идея символической парадигматики», «Образ текста-тканья как семантическая категория», «Смысл как объект онтологической этимологии», «Когнитивная модель мышления» (с подразделом «Морфологическая поэтика: Линней, Гёте, Пропп»), «Палеонтология языка». Таким образом,

подготовлена творческая интерпретация текста трагедии как амбивалентного целого, с изначально заложенной Гёте идеей потенциального разрастания смыслов «Фауста», их содержательных и эстетических метаморфоз. «Слово вырастает как пучок ветвей, — сказано в книге. — Трагедия являет собою полиморфно-изменчивую стихию разветвленного “вечнозеленого дерева”» (ч. 1, с. 57).

В последующих разделах книги рассматриваются морфологически связанные с «Фаустом» произведения В. К. Кюхельбекера, И. А. Гончарова, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, В. В. Набокова, Э. Л. Миндлина, А. Николева, А. Н. Егунова, нескольких современных поэтов и некоторые другие; впервые введены в научный оборот «гётевские» тексты журнала «Будильник» (см. раздел ч. 1 «“Великий Гете” и “великий Аверкиев”: “Фауст”, прочитанный в журнале “Будильник”»), а также неизвестный ранее перевод «Фауста», найденный автором монографии в архиве одной из университетских библиотек (ч. 2, с. 28—55). Как видим, набор имен довольно пестрый, но отнюдь не случайный — писателей объединяет интерес «к таким семантическим сочетаниям, которые не относились к неповторимым особенностям текста («Фауста». — Г. Д.), но являли собой традиционный корпус цитат, общие места культуры». Они «странствовали от одного народа к другому, пересекали этнические, конфессиональные границы. И образовали фонд, находившийся в совместном пользовании адептов различных традиций и вер» (ч. 1, с. 8).

В процессе складывания «гётевского» семантического фонда «Фауста» начинают вычитывать из всего наличного корпуса культуры. По важной мысли Г. М. Васильевой, русские писатели, «продолжая традицию Гёте, воспринимают <...> не тексты Гёте в отдельности, но всю соответствующую каждому из микросюжетов парадигму» (ч. 1, с. 22). В монографии отчетливо показаны новые и разнообразные виды рецепции, возникающие на подобной основе: отклики писателей на уровне модальности собственных произведений или реконструкции восприятия метафизических вещей, паремиологическое прочтение («Фауст» как трагическая басня), инволюция логической мысли, ритмико-синтаксическое цитирование, когда значение реализуется акустически или аудиофонически; а также дается пример того, как русский писатель может мыслить «всем творчеством Гёте в целом».

В процессе исследования широкого и репрезентативного материала Гёте предстает в игре идеализаций и демонизаций, присвоений и клишированного использования. В книге тщательно проанализирован и опыт «сниженного» восприятия Гёте в пародиях и фарсах, когда «Фауст» превратился в «коллективный ковчег», «“перевозящий” утраченную молодость, мечту о Рае, опыт Апокалипсиса и все, что только получится на него нагрузить» (ч. 1, с. 465).

Обращаясь к творчеству русских писателей, автор монографии ориентировался на «идею Гёте как тот предел бесконечно возрастающего становления, к которому данное явление стремится», и изучал роль трагедии в широком контексте — духовном, культурно-историческом, биолого-антропологическом (ч. 1, с. 2). Так в русской германистике состоялась новая встреча с наследием Гёте: «Фауст» как объемный семантический комплекс европейской и русской культуры раскрывается в ярком текстопорождающем значении.